

Весь Андрей Белый

Христос воскрес Поэма

I

В глухих
Судьбинах,
В земных
Глубинах,
В веках,
В народах,
В сплошных
Синеродах
Небес
— Да пребудет
Весть:
— «Христос
Воскрес!»—
Есть.
Было.
Будет.

II

Перегорающее страдание

Сиянием
Омолнило
Лик,
Как алмаз,—
— Когда что-то,
Блеснувши неимоверно,
Преисполнило этого человека,
Простирающего длани
От века и до века —
За нас.
— Когда что-то
Заряло
Из вне-времени,
Пронизывая Его от темени
До пяты...
И провеяло
В ухо
Вострубленной
Бурею Духа: —
— «Сын,
Возлюбленный —
Ты!»
Заря
Огромными зорями,
В небе
Прорезалась Назаря...
Жребий —
Был брошен.

III

Толпы народа
На Иордане
Увидели явственно: два
Крыла.
Сиянием
Преисполнились
Длани
Этого человека...
И перегорающим страданием
Века
Омолнилась
Голова.
И по толпам
Народа
Желтым
Маревом,
Как заревом,
Запрядала разорванная мгла,—
Над, как дым,
Сквозною головою
Веющею
Верою
Кропя Его слова.—
Из лазоревой окрестности,
В зеленеющие
Местности
Опускалось что-то световою
Атмосферою...

Прорезывался луч
В Новозаветные лета...
И помавая кровавыми главами
Туч,
Назаря
Прорезывалась славами
Света.

IV

После Он простер
Мертвеющие, посинелые от муки
Руки
И взор —
В пустые
Тверди...
Руки
Повисли,
Как жерди,
В густые
Мраки...
Измученное, перекрученное
Тело
Висело
Без мысли.
Кровавились
Знаки,
Как красные раны,
На изодранных ладонях
Полутрупа.

Глаз остеклелою впадиною
Уставился пусто
И тупо
В туманы
И мраки,
Нависшие густо.
А воины в бронях,
Поблескивая шлемами,
Проходили под перекладиною.

V

Голова
Окровавленного,
Лохматого
Разбойника,
Распятого —
— Как и Он —
Хохотом
Насмешливо приветствовала:
— «Господи,
Приемли
Новоявленного
Сына Твоего!»
И тяжелым грохотом
Ответствовали
Земли.

VI

В опрокинутое мировое дно,
Где не было никакого солнца, которое
На Иордани
Слетело,
Низринутое
В это тело
Перстное и преисполненное бремени —
Какое-то ужасное Оно,
С мотающимися перепутанными волосами,
Угасая
И простирая рваные
Израженные
Длани,—
В девятый час
Хрипло крикнуло из темени
На нас:
— «Или... Сафахвани!»

VII

Деревянное тело
С темными пятнами впадин
Провалившихся странно
Глаз
Деревенеющего Лица,—
Проволокли,—
Точно желтую палку,
Забинтованную

В шелестящие пелены —
Проволокли
В ей уготованные
Глубины.
Без слов
И без веры
В воскресение...
Проволокли
В пещеры —
В тусклом освещении
Красных факелов.

VIII

От огромной скорби
Господней
Упадали удары
Из преисподней —
В тяжелый,
Старый
Шар.
Обрушились суши
И горы,
Изгорбились
Бурей озера...
И изгорбились доли...
Разламывались холмы...
А души —
Душа за душою —
Валились в глухие тьмы.

Проступали в туманы
Неясные
Пасти
Чудовищной глубины...
Обнажались
Обманы
И ужасные
Страсти
Выбежавшего на белый свет
Сатаны.
В землетрясениях и пожарах
Разрывались
Старые шары
Планет.

IX

По огромной,
По темной
Вселенной,
Шатаясь,
Таскался мир.
Облекаясь,
Как в саван тленный,
В разлагающийся эфир.
Было видно, как два вампира,
С гримасою красных губ,
Волокли по дорогам мира
Забинтованный труп.

X

Нам желтея,
В нас без мысли
Подымаясь, как вопрос,—
Эти проткнутые ребра,
Перекрученные руки,
Препоясанные чресла —
В девятнадцатом столетии провисли:
— «Господи,
И это
Был —
Христос?»
Но это —
Воскресло...

XI

Снова там —
Терновые
Венцы.
Снова нам —
Провисли
Мертвецы
Под двумя столбами с перекладиною,
Хриплыми глухими голосами,
Перепутанными волосами,
Остеклелой впадиною
Глаз —
Угрожая, мертвенные

Мысли
Остро, грозно, мертвенно
Прорезываются в нас.

XII

Разбойники
И насильники —
Мы.
Мы над телом Покойника
Посыпаем пеплом власы
И погашаем
Светильники.
В прежней бездне
Безверия
Мы. —
Не понимая,
Что именно в эти дни и часы —
Совершается
Мировая
Мистерия...

XIII

Мы забыли: —
Из темных
Расколов
В пещеру, где труп лежал,
С раскаленных,
Огромных

Престолов
Преисподний пламень
Бежал.
Отбросило старый камень;
Сорваны пелены:
Тело,
От почвы оторванное.
Слетело
Сквозь землю
В разъятые глубины.

XIV

Труп из вне-времени
Лазурей,
Пронизанный от темени
До пяты
Бурей
Вострубленной
Вытянулся от земли до эфира...
И грянуло в ухо
Мира:
— «Сын,
Возлюбленный —
Ты!»
Пресуществленные божественно
Пелены,
Как порфира,
Расширенная без меры,
Пронизывали мировое пространство,

Выструиваясь из земли.
Пресущественное невещественно
Тело —
В пространство
Развевало атмосферы,
Которые сияюще протекли.
Из пустыни
Вне-времени
Преисполнилось светом
Мировое дно,—
Как оно —
Тело
Солнечного Человека,
Сияющее Новозаветными годами
И ставшее отныне
И до века —
Телом земли.
Вспыхнула Вселенной
Голова,
И нетленно
Простертые длани
От Запада до Востока,—
Как два
Крыла.
Орла,
Сияющие издалека.

XV

Есть
Могила,
Простершая
Бледный
Крест,—
В суровые своды
Неба
И —
В неизвестности
Мест.
Обвили убогие
Местности
Бедный,
Убогий Крест —
В сухие,
Строгие
Колосья хлеба,
Вытарачивающие окрест.
Святое,
Пустое
Место,—
В святыне
Твои сыны!
Россия,
Ты ныне
Невеста...
Приемли
Весть
Весны...
Земли,

Прордейте
Цветами
И прозеленейте
Березами:
Есть —
Воскресение...
С нами —
Спасение...
Исходит огромными розами
Прорастающий Крест!

XVI

Железнодорожная
Линия...
Красные, зеленые, синие
Огоньки
И взлетающие
Стрелки,—
Всё, всё, всё
Сулит
Невозможное...
Твердят
Голосящие
Вдали паровики,
Убегающие
По линии:
«Да здравствует Третий
Интернационал».
Мелкий

Дождичек стрекочет
И твердит:
«Третий
Интернационал».
Выкидывает телеграфная лента:
«Интернационал»...
Железнодорожная
Линия,
Убегающая в сети
Туманов,—
Голосит свистками
распропагандированного
Паровика
Про невозможное.
И раскидывает свои блески —
За ветвями зеленеющего тополя...
Раздаются сухие трески
Револьверных переливов.

XVII

А из пушечного гула
Сутуло
Просунулась спина
Очкастого, расслабленного
интеллигента.
Видна,—
Мохнатая голова,
Произносящая
Негодующие

Слова
О значении
Константинополя
И проливов,—
В дующие
Пространства
И в сухие трески
Револьверных взрывов...
На мгновение
Водворяется странная
Тишина,—
В которую произносятся слова
Расслабленного
Интеллекта.

XVIII

Браунинг
Красным хохотом
Разрывается в воздух,—
Тело окровавленного
Железнодорожника
Падает под грохотом.
Подымают его
Два безбожника
Под забором...
На кого-то напали...
На крик и на слезы —
Ответствуют паровозы,
Да хором

Поют о братстве народов...
Знамена отвечают
Лепетом.
И воробьи с пригородных огородов
Приветствуют
Щебетом —
Падающих покойников

XIX

Обороняясь от кого-то,
Заваливает дровами ворота
Весь домовый комитет.
Под железными воротами —
Кто-то...
Злая, лающая тьма
Прилегла —
Нападает
Пулеметами
На дома,—
И на членов домового комитета.
Обнимает
Странными туманами
Тела,—
Злая, лающая тьма
Нападает
Из вне-времени —
Пулеметами...

XX

Из раздробленного
Темени,
С переломленной
Руки —
Хлещут красными
Фонтанами
Ручьи...
И какое-то ужасное Оно
С мотающимися перекрученными
Руками
И неясными
Пятнами впадин
Глаз —
Стремительно
Проволокли —
Точно желтую забинтованную
Палку,—
Под ослепительный
Алмаз
Стоящего вдали
Автомобиля.

XXI

Это жалкое, желтое тело
Пятнами впадин
Глаз,—
Провисая между двух перекладин,

Из тьмы
Вперяется
В нас.
Это жалкое, желтое тело
Проволакиваем:
Мы —
— В себя —
Во тьмы
И в пещеры
Безверия,—
Не понимая,
Что эта мистерия
Совершается нами —
— в нас.
Наше жалкое, желтое тело
Пятнами впадин
Глаз,—
Провисая меж двух перекладин,
Из тьмы
Вперяется
В нас.

XXII

А весть
Прогремела Осанной.
Есть
Станный
Пламень
В пещере безверия,—

Когда озаряется
Мгла
И от нас
Отваливаются
Тела,—
Как падающий камень.

XXIII

Россия,
Страна моя —
Ты — та самая,
Облеченная солнцем Жена,
К которой
Возносятся
Взоры...
Вижу явственно я:
Россия,
Моя,—
Богоносица,
Побеждающая Змия...
Народы,
Населяющие Тебя,
Из дыма
Простерли
Длани
В Твои пространства,—
Преисполненные пения
И огня
Слетающего Серафима.

И что-то в горле
У меня
Сжимается от умиления.

XXIV

Я знаю: огромная атмосфера
Сиянием
Опускается
На каждого из нас,—
Перегорающим страданием
Века
Омолнится
Голова
Каждого человека.
И Слово,
Стоящее ныне
По середине
Сердца,
Бурями вострубленной
Весны,
Простерло
Гласящие глубины
Из огненного горла:
— «Сыны
Возлюбленные,—
Христос Воскрес!»

Апрель 1918. Москва

Звезда

Христиану Моргенштерну¹

Старшему брату в Антропософии

Ты надо мной — немым поэтом —
Голубизною глаз блеснул,
И засмеявшись ясным светом,
Сквозную руку протянул.

В воспоминанье и доньне
Стоишь святыней красоты
Ты в роковой моей године
У роковой своей черты.²

Тебя, восставшего из света,
Зовет в печали ледяной —
Перекипевшая планета,
Перегремевшая войной;

В часы возмездия подъявший
Свои созвездия над ней, —
В тысячелетья просиявший
Тысячесветием огней, —

---

¹ «Моргенштерн» значит «Звезда утра».

² С Христианом Моргенштерном автор встретился за 2 месяца до его смерти.

Как и тогда, во мне воскресни,
Воспламенясь, ко мне склони
Свои просвеченные песни
В грозой отмеченные дни.

Август 1918. Москва

Звезда

Упал на землю солнца красный круг.
И над землей, стремительно блистая,
Приподнялась зеркальность золотая
И в пятнах пепла тлела.
Всё вокруг вдруг стало: и — туманисто;
И — серо...
Стеклянно зеленеет бирюза,
И яркая заяснилась слеза —
Алмазная, алмазная Венера.

Май 1914. Арлестейм

Самосознание

Мне снились: и море, и горы...
Мне снились...
Далекие хоры
Созвездий

Кружились
В волне мировой...
Порой метеоры
Из высей катились,
Беззвучно
Развевявши пурпурный хвост надо мной.
Проснулся — и те же: и горы,
И море...
И долгие, долгие взоры
Бросаю вокруг.
Все то же... Докучно
Внимаю,
Как плачется бездна:
Старинная бездна лазури;
И — огненный, солнечный
Круг.
Мои многолетние боли —
Доколе?..
Чрез жизни, миры, мироздания
За мной пробегаете вы?
В надмирных твореньях, —
В паденьях —
Течет бытие... Но — о Боже!—
Сознание
Всё строже, всё то же —
Всё то же
Сознание
Мое.

Февраль 1914. Базель

Карма

Н. А. Григоровой

1

Мне грустно... Подожди... Рояль,
Как будто торопясь и споря,
Приоткрывает окна в даль
Грозой волнуемого моря.

И мне, мелькая мимо, дни
Напоминают пенной сменой,
Что мы — мгновенные огни —
Летим развеянною пеной.

Воздушно брызжут дишканты
В далекий берег прежней песней...
И над роялем смотришь ты
Неотразимей и чудесней.

Твои огромные глаза!
Твои холодные объятия!
Но незабытая гроза —
Твое чернеющее платье.

2

Мы роковые глубины,
Глухонемые ураганы, —

Упали в хлынувшие сны,
В тысячелетние туманы.

И было бешенство огней
В водоворотах белой пены.
И — возникали беги дней,
Существовании перемены.

Мы были — сумеречной мглой,
Мы будем — пламенные духи.
Миров испепеленный слой
Живет в моем проросшем слухе.

3

И знаю я; во мгле миров:
Ты — злая, лающая Парка,
В лесу пугающая сов,
Меня лобзающая жарко.

Ты — изливала надо мной
Свои бормочущие были
Под фосфорической луной,
Серая вретischem из пыли.

Ты, возникая из углов,
Тянулась тенью чернорогой;
Подняв мышинный шорох слов
Над буквой рукописи строгой.

И я безумствовал в ночи
С тысячелетнею старухой;
И пели лунные лучи
В мое расширенное ухо.

4

Летучим фосфором валы
Нам освещают окна дома.
Я вижу молнии из мглы.
И — морок мраморного грома.

Твое лучистое кольцо
Блеснет над матовою гаммой;
И — ночи веют мне в лицо
Своею черной орифламмой.

И — возникают беги дней,
Существовании перемены,
Как брызги бешеных огней
В водоворотах белой пены.

И знаю я: во мгле миров
Ты злая, лающая Парка,
В лесу путающая сов,
Меня лобзающая жарко.

5

Приемлю молча жребий свой,

Поняв душою безглагольной
И моря рокот роковой,
И жизни подвиг подневольный.

Июль 1917. Поворонка

Современникам

Туда, во мглу Небытия,
Ты безвременным, мертвым комом
Катилась, мертвая земля,
Над собирающимся громом.

И словно облак обволоок
Порядок строя мирового,
И презирающий зрачок,
И прорастающее слово.

Толчками рухнувших Мессин,
Провалом грешной Мартиники
Среди неузнанных руин
Приподымался смысл великий.

Развили грозные огни
Все беспокойней, все нестройней —
Нечеловеческие дни,
Нечеловеческие бойни...

И я к груди земли приник

И понял: в гром землетрясений
Склоняет исполинский лик
Из дней глаголющий нам Гений.

Он — Справедливый Судия. —
Мерцая мрачным приговором,
Давно смятенного меня
Опламенил глухим прозором.

И видел там, за громом битв
Восстанье Светлого Завета
В волне рыданий и молитв
И набегающего Света.

И ныне знаю: морок злой
Нас обуявших ослеплений
Перегорит, как ветхий слой,
И Солнце спустится, как гений, —

И громовая полоса,
Огнем палящая глазницы, —
Далекий грохот колеса
Золотордяной колесницы.

Январь 1918. Москва

Война

Разорвалось затишье грозное...
Взлетает ввысь громовый вопль племен.
Закручено все близкое, родное,
Как столб песков в дали иных времен.

А — я, а — я?.. Былое без ответа...
Но где оно?.. И нет его... Ужель?
Невыразимые, — зовут иных земель
Там волны набегающего света.

Октябрь 1914. Арлесгейм

А. М. Поццо «Пройдем и мы: медлительным покоем...»

Пройдем и мы: медлительным покоем
В полет минут.
Проходит все: часы полночным боем
По-прежнему зовут.

Страна моя, страна моя родная!
Я твой, я — твой:
Прими меня, рыдая... И не зная!
Покрой сырой травой.

Разгулом тех же пламенных закатов
Гори в груди,
Подъявши стаи зарев и набатов...
Зови Его, — гуди!

Пусть мы — в ночи! Пусть — ночи бездорожий!
Пусть — сон и сон!..
В покое зорь и в предрассветной дрожи
За ночью — Он!

Март 1916. Дорнах

А. М. Поццо

«Я слышла те медлительные зовы...»

Я слышал те медлительные зовы...
И — Ты...
И вот зовут... Ждет, Кто-то, Бирюзовый,
У роковой черты.

И там — в окне — прорезались Вогезы.
И там — в окне —
Отчетливо грохочут митральезы...
Пора — тебе и мне!

И я стою, шепча слова молитвы...
Судьба — веди!
Ты — в грохоты неумолимой битвы,
О Господи, сойди!

Свод неба тот же — бледно-бирюзовый...
И там набат!
Идет — туда: в молитвы, в зори, в зовы,
В грома, в рои гранат.

Июль 1916. Дорнах

Асе
«Едва яснеют огоньки...»

Едва яснеют огоньки.
Мутнеют склоны, доли, дали.
Висят далекие дымки,
Как безглагольные печали.

Из синей тьмы летит порыв...
Полыни плещут при дороге.
На тучах — глыбах грозových —
Летуче блещут огнероги.

Невыразимое — нежней...
Неотразимое — упорней...
Невыразимы беги дней,
Неотразимы смерти корни.

В горячей радости ночей
Ключи ее упорней бьются:
В кипучей сладости очей
Мерцаньем маревым мятутся.

Благословенны: — жизни ток,
И стылость смерти непреложной,
И — зеленеющий листок,
И — ветхий корень придорожный.

Июнь 1916. Дорнах

Развалы

Есть в лете что-то роковое, злое...
И — в вое злой зимы...
Волнение, кипение мирское!
Плененные умы!

Все грани чувств, все грани правды стерты;
В мирах, в годах, в часах
Одни тела, тела, тела простерты,
И — праздный прах.

В грядущее проходим — строй за строем —
Рабы: без чувств, без душ...
Грядущее, как прошлое, покроем
Лишь грудой туш.

В мятеж миров, — в немаревные муки,
Когда-то спасший нас, —
Прости ж и Ты измученные руки, —
В который раз.

Октябрь 1916. Москва

Вячеславу Иванову

Случится то, чего не чаешь...
Ты предо мною вырастаешь —
В старинном, черном сюртуке,
Средь старых кресел и диванов,
С тисненым томиком в руке:
«Прозрачность. Вячеслав Иванов».
Моргает мне зеленый глаз, —
Летают фейерверки фраз
Гортанной, плачущею гаммой:
Клонясь рассеянным лицом,
Играешь матовым кольцом
С огромной, ясной пентаграммой.
Нам подают китайский чай,
Мы оба кушаем печенье;
И — вспоминаем невзначай
Людей великих изречения;
Летают звуки звонких слов,
Во мне рождая умиление,
Как зов назойливых рогов,
Как тонкое, петушьё пенье.
Ты мне давно, давно знаком —
(Знаком, быть может, до рожденья) —
Янтарно-розовым лицом,
Власы колеблющим перстом
И — длиннополым сюртуком
(Добычей, вероятно, моли) —
Знаком до ужаса, до боли!
Знаком большим безбровым лбом

В золотокосмом ореоле.

Сентябрь 1916. Москва

Асе

**«В безгневном сне, в гнетуще-грустной
неге...»**

В безгневном сне, в гнетуще-грустной неге
Растворена так странно страсть моя...
Пробьет прибой на белопенном берегу,
Плеснет в утес соленая струя.

Вот небеса, наполняясь, как слезами,
Благоуханным блеском вечеров,
Блаженными блистают бирюзами
И маревом моргающих миров.

И снова в ночь чернеют мне чинары
Я прошлым сном страданье утолю
Сицилия... И — страстные гитары...
Палермо, Монреаль... Радес...
Люблю!..

Июнь 1917. Демьяново

Шутка

В
Долине
Когда-то
Мечтательно
Перед
Вами
Я, —
Старый
Дурак, —
Игрывал
На
Мандолине.
Вы —
Внимали
Старательно.
И —
Стародавний Зодиак.
Как-то
Избили
И
Выгнали
Меня
Из
Цирка
В
Лохмотьях
И
В

Крови
Вопиющего
— О Боге!
— Боге!
— Боге!
И
О —
Вселенской любви.
Вы
Случайно
Встретили
Поющего
Паяца —
Постояли,
Послушали
Пение.
Вы —
Отметили
Дурацкий
Колпак.
Вы —
Сказали
Внимательно:
«Это —
Путь
Посвящения...»
Вы —
Мечтательно
Уставились
В —

Зодиак.

Декабрь 1915. Дорнах

Тела

На нас тела, как ключья песни спетой...
В небытие
Свисает где-то мертвенной планетой
Всё существо мое.

В слепых очах, в глухорожденном слухе —
Кричат тела.
Беспламенные, каменные духи!
Беспламенная мгла!

Зачем простер на тверди оледелой
Свои огни
Разбитый дух — в разорванное тело,
В бессмысленные дни!

Зачем, за что в гнетущей, грозной гари,
В растущий гром
Мы — мертвенные, мертвенные твари —
Безжертвенно бредем?

Декабрь 1916. Москва

Асе

«Уже бледней в настенных тенях...»

Уже бледней в настенных тенях
Свечей стекающих игра.
Ты, цепеня на коленях,
В неизреченном — до утра.

Теплом из сердца вырастая,
Тобой, как солнцем облечен,
Тобою солнечно блистая
В Тебе, перед Тобою — Он.

Ты — отдана небесным негам
Иной, безвременной весны:
Лазурью, пурпуром и снегом
Твои черты осветлены.

Ты вся как ландыш, легкий, чистый,
Улыбки милой луч разлит.
Смех бархатистый, смех лучистый
И — воздух розовый ланит.

О, да! Никто не понимает,
Что выражает твой наряд,
Что будит, тайно открывает
Твой брошенный, блаженный взгляд.

Любви неизреченной знание
Во влажных, ласковых глазах;

Весны безвременной сиянье
В алмазно-зреющих слезах.

Лазурным утром в снеге талом
Живой алмазник засветлен;
Но для тебя в алмазе малом
Блестает алым солнцем — Он.

Сентябрь 1916. Москва

Россия

Луна двурога.
Блестит ковыль.
Бела дорога.
Летает пыль.

Летая, стая
Ночных сычей —
Рыдает в дали
Пустых ночей.

Темнеют жерди
Сухих осин;
Немеют тверди...
Стою — один.

Здесь сонный леший
Трясется в прах.

Здесь — конный, пеший
Несется в снах.

Забота гложет;
Потерян путь.
Ничто не сможет
Его вернуть.

Болота ржавы:
Кусты, огни,
Густые травы,
Пустые пни!

Декабрь 1916. Москва

Декабрь 1916 года

Из душных туч, змеясь, зигзаг зубчатый
Своей трескучею стрелой,
Запламенясь, в разъятые Палаты
Ударил, как иглой
Светясь, вясь, в морозный морок тая,
Бросает в небо пламена
Тысячецветным светом излитая,
Святая Купина
Встань, возликуй, восторжествуй, Россия!
Грянь, как в набат, —
Народная, свободная стихия
Из града в град!

18 декабря 1916. Москва

А.М. Поццо
«Глухой зимы глухие ураганы...»

Глухой зимы глухие ураганы
Рыдали нам.
Вставали нам — моря, народы, страны...
Мелькали нам —
Бунтующее, дующее море
Пучиной злой,
Огромные, чудовищные зори
Над мерзлой мглой
И сонная, бездонная стихия
Топила нас,
И темная, огромная Россия
Давила нас.
О, вспомни, брат грома, глаголы, зовы,
И мор, и глад.
О, вспомни ты багровый и суровый
Пылал закат.
В глухие тьмы хладеющие длани
Бросали мы.
В глухие тьмы братоубийств и браней
Рыдали мы.
И звали мы спасительные силы
Заветных снов
И вот опять — медлительный и милый
Ответный зов.

Июль 1918. Москва

Слово

В звучном жаре
Дыханий —
Звучно-пламенна мгла:
Там, летя из гортани,
Духовее земля.
Выдыхаются
Души
Неслагаемых слов —
Отлагаются суши
Нас несущих миров
Миром сложенным
Волиет —
Сладких слов глубина,
И глубинно глаголет
Словом слов Купина
И грядущего
Рая —
Тверденеет гряда,
Где, пылая, сгорая,
Не преяду: никогда!

Декабрь 1917. Дедово

К России

Россия — Ты?.. Смеюсь и умираю,
И ясный взор ловлю...

Невероятная, Тебя — (я знаю) —
В невероятности люблю.

Опять в твои неизвестные муки
Слетает разум мой:
Пролейся свет в мои немые руки,
Глаголющие тьмой.

Как веющие, тающие маки,
Мелькающие мне, —
Как бабочки, сияющие знаки
Летят на грудь ко мне.

Судьбой — (Собой) — ты чашу дней наполни
И чашу дней испей.
Волною молний душу преисполни,
Мечами глаз добей.

Я — знаю всё... Я ничего не знаю.
Люблю, люблю, люблю.
Со мною — Ты... Смеюсь и умираю.
И ясный взор ловлю.

Май 1918. Москва

Антропософии

Над ливнем лет,
Над тьмою туч

Ты — светлый свет.
И — летний луч.

Как вешний яд
Неотразим!
И ясный взгляд
Невыразим!

Живой алмаз
Блестит из глаз —
Алмазит даль,
Поит печаль.

Мой вешний свет.
Мой светлый цвет, —
Я полн Тобой,
Тобой — Судьбой.

Июль 1918. Москва

Асе
«Те же — приречные mreжи...»

Те же — приречные mreжи,
Серые сосны и пни;
Те же песчаники; те же —
Сирые, тихие дни;

Те же немеют с отвеса

Крыши поникнувших хат;
Синие линии леса
Немо темнеют в закат.

А над немым перелеском,
Где разрежились кусты,
Там проясняешься блеском
Неугасимым — Ты!

Струями ярких рубинов
Жарко бежишь по крови:
Кроет крыло серафимов
Пламенно очи мои.

Бегом развернутых крылий
Стала крылатая кровь:
Давние, давние были
Приоткрываются вновь.

В давнем — грядущие встречи;
В будущем — давность мечты:
Неизреченные речи,
Неизъяснимая — Ты!

Сентябрь 1916. Москва

Дух

Я засыпал... (Стремительные мысли
Какими-то спиральями неслись:

Приоткрывалась в сознающем смысле
Сознанию неявленная высь) —

И видел духа... Искрой он возник...
Как молния, неуловимый лик
И два крыла — сверлящие спирали —
Кровавым блеском разрывали дали.

Открылось мне: в законах точных числ,
В бунтующей, мыслительной стихии —
Не я, не я — благие иерархии
Высокий свой запечатлели смысл.

Звезда... Она — в неперемennom блеске...
Но бегаёт летучий луч звезды
Алмазами по зеркалу воды
И блещущие чертит арабески.

Май 1914. Арлесгейм

«Я»

В себе, — собой объятый
(Как мглой небытия), —
В себе самом разъятый,
Светлею светом «я».

В огромном темном мире
Моя рука растёт;

В бессолнечные шири
Я солнечно простерт, —

И зрею, зрею зовом
«Воистину воскрес» —
В просвете бирюзовом
Яснеющих небес.

Березы в вешнем лесе,
Росея в серебре, —
Провеяли «воскресе»
На розовой заре...

«Я» — это Ты, Грядущий
Из дней во мне — ко мне —
В раскинутые кущи
Над «Ты Еси на не-бе-си!»

Декабрь 1917. Дедово

Воспоминание

Мы — ослепленные, пока в душе не вскроем
Иных миров знакомое зерно.
В моей груди отражено оно.
И вот — зажгло знакомым, грозным зноем.

И вспыхнула, и осветилась мгла.
Всё вспомнилось — не поднялось вопроса:

В какие-то кипящие колеса
Душа моя, расплавясь, протекла.

Май 1914. Арлесгейм

Сестре антропософии

Слышу вновь Твой голос голубой,
До Тебя душой не достигая:
Как светло, как хорошо с Тобой,
Ласковая, милая, благая.

Веют мне родные глубины
Лепестками персикова цвета,
Благовонным воздухом весны,
Пряными роскошествами лета.

Июнь 1918. Москва

Тело стихий

В лепестке лазурево-лилейном
Мир чудесен.
Всё чудесно в фейном, вейном, змеином
Мире песен.

Мы — повисли,

Как над пенной бездною ручей.
Льются мысли
Блесками летающих лучей.

Октябрь 1916. Москва

Встречный взгляд Танка

Медовый цветик сада
Шлет цветику свой стих...
Две пчелки вылетают
Из венчиков: два взгляда
Перекрестились в них.

Май 1918. Москва

Крылатая душа Танка

Твоих очей голубизна
Мне в душу ветерком пахнула:
Тобой душа озарена...
Вот вешним щебетом она
В голубизну перепорхнула.

Май 1918. Москва

Вода Танка

А вода? Миг — ясна...
Миг — круги, ряби: рыбка...
Так и мысль!.. Вот — она...
Но она — глубина,
Заходившая зыбко.

Июнь 1916. Дорнах

Жизнь Танка

Над травой мотылек —
Самолетный цветок...
Так и я: в ветер — смерть —
Над собой — стебельком —
Пролечу мотыльком.

Июнь 1916. Дорнах

Лазури Танка

Н.А. Залиупиной

Светлы, легки лазури...
Они — черны, без дна;
Там — мировые бури.
Так жизни тишина:
Она, как ночь, черна.

Июнь 1916. Дорнах

Асе (а — о)

Снеговая блистает роса:
Налила серебра на луга;
Жемчугами дрожат берега;
В светлоглазых алмазах роса.

Мы с тобой — над волной голубой,
Над волной — берегов перебой;
И червонное солнца кольцо:
И — твое огневое лицо.

Сентябрь 1913. Христиания

Утро (и-е-а-о-у)

Над долиной мгlistой в выси синей
Чистый-чистый серебристый иней.
Над долиной, — как извивы лилий,
Как изливы лебединых крылий.

Зеленеют земли перелеском,
Снежный месяц бледным, летним блеском,
В нежном небе нехотя юнеет,
Хрусталем, небо зеленеет.

Вставших глав блистающая стая
Остывает, в дали улета...
Синева ночная, — там, над нами,
Синева ночная давит снами!

Молньями как золотом в болото
Бросит очи огненные кто-то.
Золотом хохочущие очи!
Молотом грохочущие ночи!

Заликует, — все из перламутра
Бурное, лазуревое утро:
Потекут в излучине летучей
Пурпуром предутренние тучи.

Ноябрь 1917. Сергиев Посад

Асе **(При прощании с ней)**

Лазурь бледна: глядятся в тень
Громадин каменные лики:
Из темной ночи в белый день
Сверкнут стремительные пики.

За часом час, за днями дни
Соединяют нас навеки:
Блестят очей твоих огни
В полуопущенные веки.

Последний, верный, вечный друг, —
Не осуди мое молчанье;
В нем — грусть стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

Август 1916. Дорнах

Асе **«Опять — золотеющий волос...»**

Опять — золотеющий волос,
Ласкающий взор голубой;
Опять — уплывающий голос;
Опять я: и — Твой, и — с Тобой.

Опять бирюзеешь напевно
В безгневно зареющем сне;
Приди же, моя королевна, —
Моя королевна, ко мне!

Плывут бирюзовые волны
На веющем ветре весны:
Я — этими волнами полный,
Одетая светами — Ты!

Сентябрь 1916. Москва

«Я» и «Ты»

Говорят, что «я» и «ты» —
Мы телами столкнуты.
Тепленеет красный ком
Кровопарным облаком.
Мы — над взмахами косы
Виснущие хаосы.
Нет, неправда гладь тиха
Розового воздуха, —
Где истаял громный век
В легкий лепет ласточек, —
Где, заясняясь, «я» и «ты» —
Светлых светов яхонты, —
Где и тела красный ком
Духовееет облаком.

1918. Москва

Зов

Сквозь фабричных гудков
Сумасшедшие ревы
Мы в тиши городов
Слышим тихие зовы.

Исполняется час.
И восходит в тумане,
Как прозрачный алмаз,
Все из ярких блистаний, —

Снеговое лицо
На огнистом закате,
Замыкая кольцо
Славословящих братий.

Исполняйтесь, вы, — дни.
Распадайтесь, вы, — храмы.
Наши песни — огни.
Облака — фимиамы.

Май 1914. Арлесгейм

Родине

В години праздных испытаний,
В години мертвой суеты —
Затверденей алмазом брани

В перегоревших углях — Ты.

Восстань в сердцах, сердца исполни!
Произрастай, наш край родной,
Неопалимой блеском молний,
Неодолимой купиной.

Из моря слез, из моря муки
Судьба твоя — видна, ясна:
Ты простираешь ввысь, как руки,
Свои святые пламена —

Туда, — в развалы грозной эры
И в визг космических стихий, —
Туда, — в светлеющие сферы,
В грома летящих иерархий.

Октябрь 1916. Москва

Инспирация

В волне
Золотистого
Хлеба
По-прежнему ветер бежит
По-прежнему
Нежное
Небо
Над зорями грустно горит.

В безмирные,
Синие
Зыби
Лети, литургия моя!
В земле —
Упадающей
Глыбе —
О небо, провижу тебя...
Алмазами
Душу
Наполни,
Родной стариною дыша: —
Из светочей,
Блесков,
И молний, —
Сотканная, — плачет душа.
Всё — вспомнилось: прежним приветом
Слетает
В невольный
Мой стих —
Архангел, клопочущий светом, —
На солнечных
Крыльях
Своих.

Июнь 1914. Арлесгейм

Антропософам

*С любовью и благодарностью М.В.
Сабашиниковой*

Мы взлетаем в мирах неразвеянный прах,
Угрожаем обвалами дремлющих лет;
В просиявших пирах, в набежавших мирах
Мы — летящая стая хвостатых комет.

Пролетаем в воздушно-излученный круг.
Засветясь, закрутясь, заплетайся в нем, —
Лебединый, родимый, ликующий звук
Дуновеньем души лебединой пойдем.

Завиваем из дали спирали планет;
Проницаем туманы судьбин и годин;
Мы — серебряный, зреющий, веющий свет
Среди синих, любимых, таимых глубин.

Февраль 1913. Москва

Младенцу

Играй, безумное дитя,
Блистай летающей стихией:
Вольнолюбивым светом «Я»,
Явись, осуществишь, — Россия.
Ждем: гробовая пелена

Падет мелькающими мглами;
Уже Небесная Жена
Нежней звездует глубинами, —

И, оперясь из весны,
В лазури льются иерархии;
Из легких крыльев лик Жены
Смеется радостной России.

Март 1918. Москва

Родине

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, —
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, —
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте, склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пении,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,

Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро,
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

Август 1917. Поворовка

Голубь

Вестью овеяны,
Души прострем —
В светом содеянный
Радостный гром.

В неописуемый,
В огненный год, —
Духом взыскуемый
Голубь сойдет.

Март 1918. Москва

Чаша времен

Открылось!
Весть весенняя!
Удар молниеносный!
Разорванный, пылающий, блистающий покров:

В грядущие,
Громовые
Блистающие весны,
Как в радуги прозрачные, спускается — Христос.

И голос
Поднимается
Из огненного облака:
«Вот чаша благодатная, исполненная дней!»

И огненные
Голуби
Из огненного воздуха
Раскидывают светочи, как два крыла, над ней.

Июнь 1914. Арлесгейм

Антропософии

Из родников проговорившей ночи
В моем окне
Нежданные, мерцающие очи

Восходят мне.

Блестает луч из звездной рукояти,
Как резвый меч;
Мой бедный ум к ногам смущенных братии
Слетает с плеч.

Я — обезглавлен в набежавшем свете
Лучистых глаз
Меж нами — Он, Неузнанный и Третий:
Не бойтесь нас.

Мы — вспыхнули, но для земли — погасли.
Мы — тихий стих.
Мы — образуем солнечные ясли.
Младенец — в них.

Слепую мглу бунтующей стихии
Преобрази.
Я не боюсь: влекут, Христософия,
Твои стези.

Ты снилась мне, светясь... когда-то, где-то...
Сестра моя!
Люблю Тебя: Ты — персикова цвета
Цветущая заря.

Как вешний вихрь, гласят неумолимо —
Гласят в голубизне —
Твои слова, пронесшиеся мимо,

Но сказанные мне.

В свои глаза — сплошные синероды
Меня возьми;
Минувшие, глаголющие годы
Мои уйми.

В Твоих глазах блистают: воды, суши,
Бросаюсь в них:
Из глаз Твоих я просияю в души,
Как тихий стих.

И сердце — обезумевшая птица —
В немой мольбе
Пусть из груди — разорванной темницы —
Летит к Тебе.

Мы — вспыхнувшие, вспыхнувшие дети —
В неожиданный час:
Меж нами — Он, Неузнанный и Третий:
Не бойтесь нас!

Март 1918. Москва

Христиану Моргенштерну

От Ницше — Ты, от Соловьева — Я:
Мы в Штейнере перекрестились оба...
Ты — весь живой звездой бытия

Мерцаешь мне из... кубового гроба.

Свергается стремительно звезда,
Сверкая в ослепительном убранстве: —
За ней в обетованный край, — туда —
Пустынями сорокалетних странствий!

Расплавлены карбункул и сапфир
Над лопнувшей трубой телескопа...
Тысячекрылый, огнекрылый мир!
Под ним — испепеленная Европа!..

Взлетаем над обманами песков,
Блистаем над туманами пустыни...
Антропософия, Владимир Соловьев
И Фридрих Ницше — связаны: отныне...

От Ницше — Ты, от Соловьева — Я;
Отныне будем в космосе безмерном:
Ты — первозванным светом бытия,
Я — белым «Христианом Моргенштерном».

Октябрь 1918. Москва